

Под навесом беседки, что высилась у самого края ипподрома, стоял Гуань Юньцзи. Задрав голову, он заворожённо следил за кружащим в вышине кречетом. В его глазах читался неподдельный восторг.

В самой беседке уютно потрескивали угли в переносной жаровне. Гу Жухуэй собственноручно заваривала чай. Разлив его по четырём пиалам, она первой сделала глоток и мягко рассмеялась:

— И что сегодня за день такой? Один витает в облаках, другой любит птиц, третий без усталости гонит коня... Собрались, прямо как праздные господа на отдыхе.

— Не обессудьте, сестра Жухуэй, — Гуань Юньцзи тут же опомнился, вернулся под крышу и сел за столик, приподняв пиалу в знак почтения. — Сама знаешь, к другим забавам я равнодушен, но вот соколиная охота — моя слабость. Во всём Чанло хороших птиц по пальцам пересчитать, а ваш Догоревший фитиль — вообще сокровище. Стоит мне его увидеть, как я теряю голову.

Даже простую пресную заварку он пил смачно, точно выдержанное вино. Несмотря на юные годы, этот юноша держался с поразительным изяществом и легко менял маски. В присутствии брата и сестры Гу в его манерах не сквозило ни капли надменности — он говорил спокойно и непринуждённо:

— А Гэ Дунчэня и ждать нечего. Этот оболтус вечно путается со слугами — сейчас зацепится с кем-нибудь языком, раскричится и пропадёт до самого вечера.

— И к лучшему, что его нет. Уши у него повсюду, да только язык без костей — тайн хранить не умеет. — Гу Пинхань стряхнул с себя оцепенение и бесстрастно вмешался в разговор: — Юньцзи, ты ведь не просто так напросился сегодня в гости и просил позвать сестру? Из дворца от Второго принца есть новости?

Стоявший поодаль Чжан Дэнцин так и встрепенулся.

«Пресвятые угодники, неужели наконец-то пойдёт серьёзный разговор?»

С самого начала он напряг слух, пустив по меридианам внутреннюю силу, чтобы улавливать каждый шорох. Отчасти им двигало банальное любопытство, отчасти — забота о названном брате. Дэнцин обратился в слух, боясь упустить хоть слово. Но эти четверо до сих пор переливали из пустого в порожнее. К тому же его не покидало смутное ощущение, будто Гу Пинхань время от времени бросает в его сторону подозрительные взгляды. Хотя, возможно, это была лишь паранойя.

О Гэ Дунчэне и Гуань Юньцзи, которые объявились ближе к полудню, Дэнцин знал немного, зато прекрасно ориентировался в делах их семейств.

Клан Гэ был вторым по влиянию военным родом после клана Гу. Если власть Гу опиралась на Северные земли, где князь Чжэньбэй ковал свои ратные победы, то Гэ держали под контролем Южные земли. Самое забавное, что главы обоих почтенных домов славилась исключительной верностью жёнам — редчайший случай среди знати, когда мужчины обходились без наложниц и не заводили интрижек на стороне.

О князе Чжэньбэй, Гу Яне, в народе ходила добрая слава. Он взял в жёны Ань Жои в те годы, когда клан Ань клонился к упадку. Вопреки всем трудностям и недовольству двора, князь настоял на браке с суженой детства, а позже помог её брату, Ань Чжэньвэню, подняться на службе.

История любви главы клана Гэ была ещё более захватывающей. Он умудрился жениться на безродной простолюдинке из Южных земель, поговаривали даже, будто она из чужеземных пленниц. Много лет назад за выдающиеся заслуги на поле боя император собирался даровать ему титул князя — четвёртого в государстве правителя с иной фамилией. Однако верный своему сердцу воин дерзнул отвергнуть высочайшую волю и отказался от навязанной невесты. В итоге блестящая карьера завершилась скромным чином генерала Облачного Знамени второго ранга.

Гэ Дунчэнь был единственным сыном южной чужестранки и, разумеется, единственным законным наследником генеральского дома.

Клан Гуань, стоявший за Гуань Юньцзи, тоже не уступал в знатности. Этот чиновничий род считался вторым по силе после всемогущего клана Су. Старшая дочь Су носила титул Благородной супруги в императорском гареме, но и законная дочь Гуань занимала то же почётное место, являясь к тому же матерью Второго принца.

Недавно пошли слухи о возможной помолвке Гу Жухуэй с Вторым принцем. Поскольку клан Гуань приходился принцу родней по материнской линии, визит Гуань Юньцзи наверняка предвещал вести об этом союзе.

Пока Чжан Дэнцин предавался размышлениям, из беседки вновь донёсся голос Юньцзи.

— Да, наследный княжич Пинхань. Боюсь, помолвка вашей сестры с Вторым принцем... расстроилась.

Стоявшая поодаль прислуга замерла, а Дэнцин так и подпрыгнул про себя.

«Вот тебе и раз!»

«Такой горячей новостью просто необходимо сегодня же поделиться с Сяодуном!»

Отклик Гу Пинханя прозвучал на редкость безучастно:

— Ожидаемо.

Гу Жухуэй лишь вопросительно приподняла бровь:

— Наследная принцесса приложила руку?

— Именно так, — поспешил подтвердить Гуань Юньци. — Второй принц передал, что её высочество лично просила императора расторгнуть этот союз. Два месяца назад она приблизила к себе Цзиньюя, сделав его своим компаньоном по учёбе. Похоже, принцесса твёрдо вознамерилась подчинить себе весь клан Гу, а потому породниться с Вторым принцем вам никто бы не позволил.

— Хм, — безучастно отозвался Пинхань. — Сама затея с этим браком с самого начала отдавала безрассудством. Месяц пустых споров, и вот пыль улеглась, а расплачиваться за всё приходится сестре Жухуэй.

Сама же Гу Жухуэй хранила молчание. На её губах блуждала мягкая, но какая-то пугающая, неестественная улыбка.

Повисла неловкая пауза. Гуань Юньци выждал время и лишь затем продолжил:

— Сестра Жухуэй, Второй принц просил передать его глубочайшие извинения. Он клянётся, что в союзе с вами искал не выгоды, а вашего сердца. Он до сих пор с нежностью вспоминает те дни, когда вы росли вместе. Он искренне желал назвать вас своей женой, но... все слова раскаяния сейчас бессмысленны перед лицом неудачи. Принц сокрушается, что из-за него вы потеряли драгоценное время. Он дал зарок: пока вы не обретёте супружеское счастье с другим, он тоже не свяжет себя узами брака.

Гу Жухуэй негромко рассмеялась, качнув головой:

— Спасибо за заботу, Юньци. Когда вернёшься к Второму принцу, передай ему мою искреннюю признательность. Зла я не держу. Наш клан сам навлёк на себя эти беды, и я не вправе обременять принца лишними клятвами. Если уж судьба развела наши дороги, к чему цепляться за прошлое?

Напрягая слух, Чжан Дэнцин уловил ещё несколько фраз, но быстро пришёл к выводу, что вся эта великосветская паутина слишком запутана. Всё у этих господ шло наперекосяк, точно муку смешали с румянами: вроде и выглядит пестро, да только в рот не возьмёшь — мигом подавишься.

Тем временем голос Гу Жухуэй, журчащий точно ручей, плавно увёл беседу от её неудавшегося замужества к делам младшего брата:

— В девятом месяце моему третьему брату предстоят осенние экзамены. Коль сдаст успешно, к следующему году и ему пора будет подыскивать невесту. У тебя, Юньцзи, в семье сестёр немало, вдруг какая-нибудь и приглянётся...

— Не стоит загадывать, — сухо оборвал её Пинхань. — Я могу и провалиться.

Гуань Юньцзи приглушённо рассмеялся:

— Полно вам, наследный княжич Пинхань, шутки шутить! Если уж вы не сдадите, то кто вообще в Чанло достоин увидеть своё имя в списках победителей? Но даже если случится немыслимое и вы оступитесь, ваш батюшка наверняка найдёт способ пристроить вас на службу. Да и Второй принц, клан Су или наш клан Гуань — никто из нас не останется в стороне.

Слушая их степенные речи, Чжан Дэнцин то и дело ловил себя на мысли, что совершенно забывает о возрасте собеседников. А ведь в беседке сидели совсем ещё юнцы, едва разменявшие второй десяток.

В этот момент к беседующим присоединился четвертый — к ним бодрым шагом подошёл Гэ Дунчэнь, чей громогласный хохот разнёсся далеко по округе:

— А вот и я! Небось, пока меня не было, успели перемыть косточки всем в столице?

Троица мгновенно сменила тему. Гуань Юньцзи с притворным раздражением цокнул языком:

— Дался ты нам! Лучше бы рассказал, почему вечно якшаешься со всяким сбродом. Такой почтенный воинский род, а ты позоришь фамилию! Ей-богу, я бы с радостью поменялся с тобой судьбой. Кто бы знал, как сильно я мечтал родиться в семье полководца!

Гэ Дунчэнь расплылся в широкой улыбке:

— Идёт! Прямо сейчас и поменяемся! Я явлюсь к клану Гуань, гаркну вашему отцу-министру: «Батюшка, долгих лет жизни!» — а потом пойду по комнатам кланяться его прелестным наложницам. Одно плохо: у господина военного министра столько жён и дочерей, что я непременно запутаюсь. Ещё приму ненароком молодую матушку за названую сестру, а сестрицу — за матушку, вот смеху-то будет! У нас в клане Гэ всё куда проще: суровый отец да любящая мать. Обычный муж из Срединной равнины и жена-чужестранка. Из-за этого союза злые языки до сих пор не умолкают, так что скучать тебе не придётся. Ну что, согласен?

— Ах ты, шельма... — Гуань Юньцзи повысил голос, в котором смешались обида и досада. —

Сделай милость, прикуси язык! Ей-богу, во всём Чанло только ты, Гэ Дунчэнь, дерзишь так нагло глумиться над моим семейством!

— Да ладно тебе, я же чистую правду говорю! Разве это глумление?

Чжан Дэнцин тем временем обратился в слух. Наконец-то беседа свернула в русло сочных столичных сплетен, которые он так любил.

Гэ Дунчэнь и Гуань Юньцзи принялись обмениваться колкостями, соревнуясь в остроумии. Они безжалостно вытаскивали на свет самые постыдные семейные тайны друг друга, превращая их в фарс. Впрочем, эта ядовитая перепалка лишь подчёркивала глубину их дружбы: будь на их месте чужие люди, дело давно закончилось бы дракой или кровной обидой, а эти двое лишь задорно хохотали.

Вдоволь натешившись взаимными подколами, они внезапно переключились на общих знакомых. Гэ Дунчэнь повернулся к брату и сестру Гу:

— Сестра Жухуэй, брат Пинхань, а что у вас стряслось? Насколько я помню, родословная кланов Гу и Ань проста как чистый лист, да и родни у вас — раз-два и обчёлся. Откуда вдруг из-под земли выкопался этот Гу Сяодун? Из какой щели он вылез?

Гуань Юньцзи кивнул в знак согласия:

— И то верно. Я не любитель совать нос в чужие дела — у каждого знатного дома найдутся свои скелеты в шкафу. Но ваш клан воспитал пятерых прекрасных наследников: от старшей сестры, отправленной укреплять союз с соседними землями, до малютки Шоуи — каждый из них истинный самоцвет. И вдруг на пороге объявляется этот неотёсанный деревенщина. Одно его присутствие пятнает безупречное имя клана Гу.

— Мало того что оборванец, так ещё и туп как пробка, — презрительно фыркнул Гэ Дунчэнь. — Я попытался расспросить его о родителях и семейной ветви, а он и двух слов связать не может. Только глазами хлопает да глуповато улыбается — строит из себя невинную овечку. Вы хоть проверили его бумаги? Вдруг это обычный проходимец?

У стоявшего за деревьями Чжан Дэнцина так и зачесались кулаки.

— Мы всё проверили, ошибки быть не может, — лениво отозвалась Гу Жухуэй, покручивая пиалу. — Какая-то седьмая вода на киселе, дальний родственник по одной из боковых ветвей. Бедняк проделал долгий путь, чтобы просить у нас приюта. Матушка-княгиня сжалилась над сиротой и разрешила остаться. Подумаешь, выделили ему заброшенный флигель да выставили лишнюю плошку риса. Не стоит делать из этого событие. Он птица слишком низкого полёта, чтобы занимать мысли Дунчэня или слетать с благородных уст Юньцзи.

— Он не помнит своих предков, потому что в детстве перенёс жестокую лихорадку, начисто стёршую память за первые семь лет жизни, — холодно вставил Гу Пинхань. — Отсюда и его непроходимая глупость. Родился обделенным, да ещё и умом повредился... Будем считать, что наш клан просто занимается благотворительностью — держит при себе юродивого ради очищения кармы.

Чжан Дэнцин лишь безмолвно скрежетнул зубами.

— Теперь всё ясно, а я-то гадал, почему он выглядит как пришибленный пыльным мешком! — покачал головой Гэ Дунчэнь. — Но зачем он вам сдался? Отдали бы его лучше клану Су. Их наследник, Су Минья, дышит на ладан — шагу ступить не может, чтобы не зайтись кашлем. Канцлер с супругой отчаянно ищут способы вымолить у богов здоровье для любимого сына и готовы раздавать милостыню хоть сотне калек на дню ради благой кармы. Отправьте этого дурачка к ним, пусть старики Су потешат своё милосердие.

— Язык у тебя, Дунчэнь, без ножа режет! — прыснул Гуань Юньцзи. — Канцлер Су пылинки сдувает со своего ненаглядного чада. Поостерёгся бы ты распускать подобные слухи. Дойдут его уши до этих речей — твоему отцу на совете министров несдобровать.

Слушать дальше у Чжан Дэнцина не было никаких сил. Он прервал технику, перекрыв поток внутренней энергии. Лоб тут же покрылся крупными каплями холодного пота, а по телу разлилась свинцовая усталость.

Откашлявшись, он прислонился к шершавому стволу дерева, утирая пот рукавом дешёвой ливреи.

«Жизнь дороже всего, — думал он, унимая дрожь в коленях. — Главное — уберечь Сяодуна. Он ещё совсем ребёнок. Я должен защищать его, пока он не вырастет, а там, глядишь, и наши враги из Поднебесной состарятся и сойдут в могилу. Стоит Сяодуну пожелать, и мы навсегда покинем это проклятое место».

В конце концов, чужды мне эти палаты каменные, да и столичное величие не сулит ничего, кроме беды.

Поздним вечером Гу Сяодун без сил растянулся на жёстком топчане. Обычно он не жаловался на отсутствие аппетита, но сегодня усталость оказалась сильнее голода — у него не нашлось сил даже на ужин. А ведь это был лишь первый день его новой жизни.

Безжалостный управляющий Чжу Ми оставил ему домашнее задание: к утру вызубрить все правила этикета из Книги обрядов. Мальчику пришлось упереться лбом в кулаки и уныло бубнить под нос заумные строки. К счастью, он умел читать — в противном случае такое учение обернулось бы полной катастрофой.

За этими унылыми мыслями его и застал Чжан Дэнцин. Стоило брату переступить порог с деревянной аптекарской шкатулкой в руках, как Сяодун мигом ожил. Он соскочил с постели, крепко обнял Дэнцина и принялся ластиться, точно соскучившийся щенок, наперебой выкладывая накопившиеся за день новости: и про великолепного кречета Догоревший фитиль, и про долгожданную встречу с сестрой и братом, и про знакомство с «добряком» Гэ Дунчэнем.

— Брат, ты только послушай! — воодушевлённо зашептал Сяодун. — Днём я познакомился с отличным парнем, его зовут Гэ Дунчэнь. Он старше меня всего на год, но уже вымахал выше тебя! Представляешь? Раньше ты казался мне великаном, а теперь я понял, что ты обычный коротышка. Ну а я тогда — совсем пигмей...

Дэнцин с тоской посмотрел на доверчивого мальчугана и ласково взъерошил ему волосы:

— Сяодун, эти благородные господа с пелёнок учатся лицемерию. Они любому умеют втереться в доверие, а за глаза обольют такой грязью, что вовек не отмоешься. Не смей называть их друзьями. Если станет одиноко, просто помни: твой брат всегда рядом. Куда бы судьба нас ни забросила, я тебя не оставлю.

— Ну да, ты прав, конечно, — покладисто согласился Сяодун, но тут же добавил: — И всё-таки Дунчэнь славный. Он показал мне, как правильно держаться в седле... — Заметив, как потемнело лицо Дэнцина, мальчик спешно перевёл разговор на другое: — Но спина после этой верховой езды раскалывается, мочи нет. Брат, разомнёшь мне поясницу?

Дэнцин вздохнул и уложил его обратно на живот. Бережно распределяя целебную мазь по затёкшим мышцам, он дорожил каждой минутой их уединения и неторопливо завёл разговор о важных вещах.

— Сяодун, ты сегодня наконец-то повидал кровных сестру и брата. И как они тебе?

— Похоже, я им не приглянулся, — Сяодун принялся задумчиво ковырять мозоль на ладони, тихонько хмыкнув. — Но они мне всё равно понравились. Вот бы когда-нибудь просто посидеть с ними рядышком, поговорить по душам, расспросить об их печалях... Хочется, чтобы они хоть на миг сбросили свои маски и улыбнулись по-настоящему. Мы ведь только мельком пересеклись, но мне показалось, что на сердце у сестры Жухуэй лежит тяжёлый камень. А брат Пинхань... Он как струна, натянутая до предела. Стоит задеть — лопнет со звоном.

— Они купаются в роскоши и думают лишь о том, как бы взобраться повыше по головам слуг. Зачем тебе беспокоиться об их настроении, глупый? — Дэнцин недовольно поморщился. Опозоренную расторгжением помолвки Гу Жухуэй он судить не решался, но вот высокомерного Гу Пинханя ему искренне хотелось проучить.

Сяодун, верный своему неистребимому оптимизму, лишь улыбнулся:

— Ладно-ладно, буду думать только о нас. Из всей семьи я ещё не видел лишь младшего, Шоуи.

Ему всего семь лет. С детьми-то я уж точно полажу!

— Да будь ему хоть три года! — фыркнул Дэнцин, разминая багровый кровоподтёк на пояснице брата. — В таких гнёздах у детей с младенчества по сотне хитрых мыслей в голове. Они ещё говорить толком не умеют, а уже вовсю интригуют. — Не удержавшись, он вполголоса пересказал Сяодуну всё, что подслушал в беседке: и про развалившийся союз Гу Жухуэй с Вторым принцем, и про то, как Наследная принцесса прибрала к рукам их дядю Гу Цзиньюя.

Сяодун слушал разинув рот. Впрочем, хитросплетения власти его мало трогали — куда больше его волновали сами люди:

— Этот Второй принц — настоящий подлец! Бедную сестру Жухуэй просто обвели вокруг пальца!

— В этих краях честных людей отродясь не водилось, — угрюмо подытожил Дэнцин.

Они проговорили ещё какое-то время. Сяодун добросовестно зачитывал брату наизусть скучные правила этикета, разбавляя сухие фразы заливистым смехом, отчего даже занудный устав Книги обрядов казался забавной сказкой.

Закончив массаж, Дэнцин накрыл брата одеялом. Сяодуна уже клонило в сон. Дэнцин ласково погладил его по макушке, велел крепко спать и со вздохом покинул комнату, чувствуя себя усталой матерью, чьё сердце разрывается от жалости к своему чаду.

Ему выделили скромную каморку неподалёку от покоев Сяодуна. Слуги Гу относились к незванным гостям с пренебрежением, поэтому за их перемещениями никто особо не следил. Вернувшись к себе, Дэнцин первым делом вытащил из тайника свой дорожный узелок. Князь и княгиня Чжэньбэй забрали их главное сокровище — нефритовый перстень-печать и пачку писем, подтверждающих родство, однако остальные пожитки остались нетронутыми.

Здесь хранились их скромные сбережения. Для великого и богатого клана Гу эти гроши не стоили и упоминания, но для простых беглецов они были целым состоянием, способным обеспечить безбедную жизнь за пределами столицы.

Дэнцин разделил монеты на две части. Первую половину он решил пустить на подкуп слуг в поместье, чтобы те сквозь пальцы смотрели на проказы Сяодуна, а вторую отложил на чёрный день. Пока он увлечённо пересчитывал серебро, в тишине ночи раздался негромкий, но настойчивый стук в дверь.

От неожиданности у него перехватило дыхание. Он торопливо спрятал деньги под матрас и с недовольной миной пошёл отпирать. Дэнцин ожидал увидеть на пороге сурового управляющего Чжу Ми, явившегося с новыми поучениями, но вместо него перед ним стояла незнакомая юная служанка, державшаяся с необычным для прислуги достоинством.

К прекрасному полу Дэнцин всегда относился мягче, поэтому гнев его поутих. Он вежливо спросил:

— Доброй ночи, красавица. Кого ты ищешь в столь поздний час? Ты ведь не из нашей прислуги, верно? Раньше я тебя здесь не видел.

Девушка вежливо поклонилась, сложив руки перед собой:

— Господин Чжан, мой хозяин желает задать вам несколько вопросов. Не соблаговолите ли вы последовать за мной?

Дэнцин усмехнулся:

— Помилуй, сестрица, ты на небо-то глянь. Глухая ночь на дворе. Какие могут быть расспросы? Небось, твой господин велел накинуть мне мешок на голову да поколотить в тёмном углу?

— Вопросы касаются молодого господина Сяодуна, — невозмутимо ответила служанка.

Дэнцин осёкся. Он бросил тревожный взгляд на тёмные окна флигеля, где спал Сяодун, поколебался мгновение и всё же шагнул за порог.

Всю дорогу его терзали смутные предчувствия. Однако стоило им дойти до места назначения, как Дэнцин едва удержался, чтобы в сердцах не закатить глаза к самому небу.

Их привели во флигель для челяди — то самое место, где пару дней назад его заставляли зубрить правила приличия. Тогда, в самый полдень, Гу Пинхань бесцеремонно распахнул дверь и, не удостоив взглядом кланяющихся слуг, вальяжно устроился во главе стола, устроив Дэнцину настоящий допрос.

Теперь картина повторилась почти в точности. В полумраке комнаты, едва разгоняемом тусклым светильником, за столом восседал всё тот же Гу Пинхань. Он лениво перелистывал какую-то книгу, опустив длинные ресницы, и выглядел холодным как лёд.

В душе Дэнцина поднялась волна глухого раздражения.

Служанка бесшумно выскользнула за дверь, оставив юношей наедине. Разделяющая их пропасть в сословном положении казалась почти осязаемой.

Вспомнив, как днём этот высокомерный павлин глумился над Сяодуном, Дэнцин не выдержал и ядовито процедил:

— О, неужели это сам наследный княжич? Тот самый, что день и ночь готовится к экзаменам и не находит свободной минуты? Что же заставило вас отложить мудрые свитки в глухую полночь? Неужто ваши вопросы столь важны, что не терпят дневного света? Помнится, в Поместье князя Чжэньбэй строго чтут этикет. Позвольте узнать, из какого уложения вы выкопали это новое правило — допрашивать людей по ночам?

Пинхань медленно поднял веки. Его взгляд остался ледяным и безучастным, он смотрел на дерзкого гостя сверху вниз, точно на назойливое насекомое.

Не дождавшись ответа, Дэнцин понял, что его колкости пропали впустую. Почувствовав себя глупо, он замолчал, демонстративно отодвинул стул и уселся без приглашения.

Некоторое время в комнате царило тяжёлое, давящее молчание. Наконец Пинхань неторопливо произнёс:

— Расскажи мне ещё раз о том, как живут простые люди за стенами столицы.

Дэнцин опешил и уставился на него в полном недоумении.

Пинхань же вновь опустил голову, делая вид, что полностью поглощён чтением, и умолк, словно и не он только что нарушил тишину.

В душе Дэнцина бушевала буря эмоций. Его брови взлетели вверх, а губы скривились в саркастической усмешке. В конце концов он выдавил:

— Ну уж нет. Сначала смени эту кислую мину на что-то более приличное. Улыбнись мне, и если мне понравится твоя улыбка, так и быть — потешу тебя рассказами.

Наследный княжич продолжал безучастно перелистывать страницы. Дэнцин скрестил руки на груди, терпеливо выжидая. В конце концов Пинхань резко поднялся со своего места и направился к выходу, всем своим видом выказывая крайнее неудовольствие. Дэнцин решил было, что допрос окончен.

Однако у самого порога Пинхань приоткрыл дверь, бросил взгляд на усыпанное звёздами ночное небо и, помедлив, вернулся назад.

Он остановился прямо перед Дэнцином, возвышаясь над ним подобно ледяной статуе, исполненной врождённого величия.

И всё же, словно повинуюсь невидимым нитям, этот гордый юноша медленно, уголками губ, выполнил то, о чём его просили.

Глубокой ночью, когда блёклые звёзды едва мерцали на небосводе, управляющий Чжу Ми сидел в своей неосвещённой комнате и писал донесение. Ему не нужен был светильник — долгие годы тренировок позволяли ему прекрасно видеть даже в тусклом сиянии луны.

Каждый вечер он подробно излагал все события, произошедшие в поместье Гу, чтобы отправить весточку во дворец с почтовым голубем или кречетом. И хотя сегодняшний день принёс вести, заставившие содрогнуться даже его ко всему привыкшую душу, кисть Чжу Ми скользила по бумаге ровно и бесстрастно. Сухие факты, лишённые эмоций — пусть выводы делает сам господин.

Запечатав послание, управляющий поспешил отправить его. Вернувшись, он долго не мог заставить себя лечь. В крошечной тьме Чжу Ми безмолвно сидел на краю постели, погружаясь в пучину мрачных воспоминаний прошлых лет.

Бесшумной тенью прорезав ночную прохладу, кречет Догоревший фитиль доставил свиток прямоком во дворец. Птица ловко высвободила послание из кожаного мешочка на лапе и выронила его на стол перед своим хозяином.

Чжу Лю замер у окна, неся безмолвную стражу, пока восседавший за письменным столом Гу Цзиньюй неторопливо разворачивал плотную бумагу.

Он перечитал строки трижды. Никогда прежде этот человек не изучал чужие донесения столь пристально и долго. Чжу Лю, заметив его необычную сосредоточенность, не удержался от вопроса:

— Господин, неужели мой брат прислал столь важные известия? Что заставило вас так задуматься?

Гу Цзиньюй промолчал. Лишь на его красивом лице промелькнула холодная, полная скрытого торжества усмешка.

<http://bllate.org/book/20609/2115840>